
ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 94(38).03

АНАЛИЗ ДРЕВНЕЙ ТРАДИЦИИ О НАКАЗАНИЯХ В СПАРТЕ

Л. Г. ПЕЧАТНОВА¹⁾

¹⁾Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета,
Менделеевская линия, 5, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия

Рассматривается система наказаний, применяемая в Спарте за отказ от женитьбы и за трусость, проявленную в бою. Анализируется перечень наказаний, представленный древними авторами, в частности Ксенофонтом и Плутархом. Отмечается, что провинившихся лишали статуса полноправных граждан. Внесудебные наказания носили в основном зрелищный характер и проходили в общественных местах. В назидательных целях особая роль в преследовании нарушителей отводилась молодежи. Отмечается, что немногочисленные свидетельства не дают возможности определить, применялись ли наказания за отказ от женитьбы и за трусость и как конкретно они оформлялись. Сделан вывод о том, что картина, нарисованная древними авторами, не в полной мере соответствует действительности и выступает результатом спартанской пропаганды. Писатели-лаконофилы, такие как Ксенофонт и Критий, использовали этот материал ради создания идеального образа Спарты.

Ключевые слова: Спарта; спартиаты; Ксенофонт; Плутарх; гимнопедии; атимия; холостяки; «дрожащие».

Благодарность. Статья написана при поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 20-09-00455 «Античные основы современной зрелищной культуры».

Образец цитирования:

Печатнова ЛГ. Анализ древней традиции о наказаниях в Спарте. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2022;3:41–48.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-3-41-48>

For citation:

Pechatnova LG. Analysis of Ancient tradition of punishments in Sparta. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2022;3:41–48. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-3-41-48>

Автор:

Лариса Гавриловна Печатнова – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры истории Древней Греции и Рима.

Author:

Larisa G. Pechatnova, doctor of science (history), docent; professor at the department of history of Ancient Greece and Rome.
pechatnova@mail.ru

АНАЛІЗ СТАРАДАЎНЯЙ ТРАДЫЦЫІ АБ ПАКАРАННЯХ У СПАРЦЕ

Л. Г. ПЯЧАТНАВА^{1*}

^{1*} *Інстытут гісторыі Санкт-Пецярбургскага дзяржаўнага ўніверсітэта,
Мендзялееўская лінія, 5, 199034, г. Санкт-Пецярбург, Расія*

Разглядаецца сістэма пакаранняў, што прымянялася ў Спарце за адмову ад жаніцьбы і за баязлівасць, праяўленую ў баі. Аналізуецца пералік пакаранняў, прадстаўлены старажытнымі аўтарамі, у прыватнасці Ксенафонтам і Плутархам. Адзначаецца, што тых, хто правініўся, пазбаўлялі статусу паўнапраўнага грамадзяніна. Пазасудовыя пакаранні мелі ў асноўным відовішчны характар і праходзілі ў грамадскіх месцах. У павучальных мэтах асабліва роля ў ганьбаванні парушальнікаў адводзілася моладзі. Адзначаецца, што нешматлікія сведчанні не даюць магчымасці выявіць, ці прымяняліся пакаранні за адмову ад жаніцьбы і за баязлівасць і як канкрэтна яны афармляліся. Зроблена выснова аб тым, што карціна, намалёваная старажытнымі аўтарамі, не ў поўнай меры адпавядае рэчаіснасці і з'яўляецца вынікам спартанскай прапаганды. Письменнікі-лаканаты, такія як Ксенафонт і Крытый, выкарыстоўвалі гэты матэрыял дзеля стварэння ідэальнага вобраза Спарты.

Ключавыя словы: Спарта; спартыты; Ксенафонт; Плутарх; гімнапеды; атымія; халасцыкі; «тыя, што пабаяліся».

Падзяка. Артыкул напісаны пры падтрымцы Расійскага навуковага фонду ў рамках навуковага праекта № 20-09-00455 «Антычныя асновы сучаснай відовішчнай культуры».

ANALYSIS OF ANCIENT TRADITION OF PUNISHMENTS IN SPARTA

L. G. PECHATNOVA^a

^a *Institute of History, Saint Petersburg State University,
5 Mendeleevskaya Line, Saint Petersburg 199034, Russia*

The article discusses the system of punishments used in Sparta for two offenses: for refusing to marry and for cowardice shown in battle. Ancient authors, especially Xenophon and Plutarch, give a list of punishments for these offenses. In court, the perpetrators were deprived of many of the rights directly related to the status of full citizens. Extrajudicial punishments were mostly spectacular and took place in public places. Spartan youth played a special role in the persecution of bachelors and so-called tremblers as the two main categories to be punished. However, the few testimonies that have come down to us do not make it possible to determine how often punishments for refusing to marry and for cowardice in battle were applied and how exactly they were formalised in practice. The almost complete absence in the tradition of specific examples of their application leads to the conclusion that the picture drawn by ancient authors does not fully correspond to reality. This is what Spartan propaganda wanted to present to the outside world. The writers-laconophiles, like Critias or Xenophon, in turn, used this material to create an ideal image of Sparta.

Keywords: Sparta; Spartans; Xenophon; Plutarch; gymnopaedia; atimia; bachelors; tremblers.

Acknowledgements. The article was written with supported of the Russian Science Foundation within the framework on the project No. 20-09-00455 «Antique foundations of modern spectacle culture».

Введение

Некоторые проступки граждан Спарты расценивались как серьезные преступления и соответствующим образом наказывались лишь в этой местности. Особенностью наказаний было то, что далеко не всегда дело доходило до суда. Часто наказание носило общественный характер. Нарушитель подвергался бойкоту и осуждению, причем не только в публичных местах, но и в собственном доме. Самые известные в Спарте проступки, за которыми следовало по крайней мере общественное осуж-

дение, – это проявление трусости в бою и отказ от женитьбы. Все остальные преступления, как правило, подлежали официальному суду и не учитывали мнение социума. Такие случаи связаны, в частности, с коррупцией, в которой довольно часто обвинялись представители элиты¹.

В Спарте, как и в любом другом государстве, большое значение придавалось пропаганде идей, служащих укреплению государственности. Но в данной местности эта пропаганда имела особенные

¹ Судя по высказываниям Ксенофонта (Лас. пол. 14, 3) и Аристотеля (Pol. II, 1269b), прокламируемый аскетизм и уравнительная бедность уже к началу IV в. до н. э. оставались в классической Спарте только лозунгами. Безудержная страсть спартанцев к деньгам и обогащению стала притчей во языцех и воспринималась в Греции как национальная черта граждан Спарты (Isocr. VIII, 96; XI, 20; Arist. Pol. II, 1271b).

черты. При почти полном отсутствии книжной культуры и малой грамотности граждан [1; 2, p. 238–241] больше внимания уделялось визуальной, а не вербальной пропаганде. Ее активно использовали для массивного воздействия на сознание людей.

Не будем углубляться в причины формирования классического спартанского общества в начале V в. до н. э., отметим только, что борьба с индивидуализмом путем уравнивания многих сторон жизни спартиатов, начавшаяся еще в период ранней архаики, оказалась вполне результативной. В классическую эпоху спартанские граждане вошли уже так называемыми равными, или одинаковыми². Благодаря успешному внедрению идеологии равенства у спартанцев надолго сохранилось представление (хоть и иллюзорное) о своем обществе как обществе равных прав и возможностей.

Феноменом спартанского общества было полное отсутствие анонимности. Это означало, что все знали обо всех и все следили за всеми. Большая часть жизни спартиатов носила общественный, а не частный характер. Мнение окружающих имело огромную ценность. Спартанцы видели и оценивали себя глазами сограждан. Никакой возможности спрятаться или покинуть страну у них, как правило, не было. Спартиат обязан был каждый день появляться на общественных обедах, подтверждая тем самым свой гражданский статус, и участвовать во всех государственных мероприятиях, от празднеств до военных действий. Только соблюдение всех норм

общественной жизни, полный и безоговорочный конформизм обеспечивали спартиату комфортное пребывание в жестко структурированном обществе, каким перед нами выступает классическая Спарта.

В статье представлен анализ системы наказаний для тех, кто вольно или невольно нарушал установленные в Спарте нормы поведения. Она охватывала все гражданское и негражданское население. Это могли быть граждане, илоты или периеки. Суровые наказания, применяемые подчас к незначительным проступкам, власти использовали в качестве назидания для всего населения Лаконии, демонстрации того, что будет с каждым, кто рискнет нарушить строгий поведенческий кодекс. Так что для спартанцев комфортнее и спокойнее было находиться в действующей армии за границей, чем у себя дома под неусыпным контролем как высших магистратов, так и собственных товарищей. Недаром Плутарх говорил, что «на всей земле для одних лишь спартанцев война оказывалась отдыхом от подготовки к ней» (перевод С. П. Маркиша) (Лус. 22, 3). Учитывая строгий контроль государства и общества, пребывание за границей казалось многим спартанцам настолько соблазнительным, что они мечтали о любой военной должности, дающей возможность подолгу находиться за пределами Спарты (перевод С. П. Маркиша) (Хен. Лас. рол. 14, 4)³.

Цель статьи – проанализировать весь круг источников о наказаниях в Спарте и оценить степень их достоверности.

Основная часть

Описание наказаний в Спарте неплохо представлено в традиционных исследованиях. Конечно, источников не так уж много и авторами их, как правило, являются не спартанцы. Но с этой особенностью сталкивается любой исследователь историографии архаической и классической Спарты, к какой бы теме он ни обратился.

В историографии архаической и классической Спарты система наказаний лучше всего представлена Ксенофонтом, прекрасным писателем, лаконофилом, другом спартанского царя Агесилая и уже в силу этого очень пристрастным свидетелем. Данная тема также подробно представлена в работах Плутарха, писателя, антиквара и биографа, опирающегося на большой объем свидетельств разного уровня достоверности. Отдельные сведения мы находим у многих древних историков, философов, антикваров, составителей хрестоматий и словарей.

Наказания, применяемые к различным группам населения, демонстрируют особенности тех обществ, которые к ним прибегают. Спарта, отличающаяся от классических греческих полисов, создала собственную систему наказаний: любые отклонения от нормативного поведения наказывались с большой жестокостью и мелочностью и не столько государством, сколько всем обществом, действующим через внесудебные каналы влияния. Кроме того, явное предпочтение отдавалось невербальным формам наказания перед вербальными.

В Спарте государство свободно вмешивалось в частную жизнь граждан, стараясь регулировать те процессы, которые в демократических обществах обычно не подлежали насильственному вмешательству. Это, в частности, касалось деторождения⁴. Женитьба для спартанцев по достижении ими 20-летнего возраста прокламировалась как

²В отечественной литературе теме равных в Спарте посвящены работы [3; 4, с. 349–383].

³Ксенофонт с некоторым сарказмом называет своего современника и одного из видных спартанских военачальников – Деркилида – любителем путешествовать (Hell. IV, 3, 2). Действительно, Деркилид, служа в течение 20 лет (с 411 по 389 г. до н. э.) гармоном (военным комендантом) в различных областях Спартанской державы, поставил абсолютный рекорд по продолжительности пребывания за границей среди спартанцев.

⁴По ряду причин число граждан в Спарте постоянно сокращалось. Этот процесс, названный олигантропией, уже в V в. до н. э. приобрел такие устрашающие масштабы, что власти были вынуждены принимать соответствующие меры, в том числе вводить наказания для граждан, не желающих вступать в семейные отношения [5].

безусловная обязанность (Xen. Lac. pol. 1, 6; Plut. Arophth. Lac. 53, 16–17 = Mor. 228a, 228b). Безбрачие грозило как материальными, так и моральными потерями. Судя по одной реплике Ксенофонта, наказанием за безбрачие был денежный штраф (Lac. pol. 9, 5). Кроме того, холостяки подвергались общественному осуждению. Источники (правда, весьма поздние)⁵ показывают их настоящими изгоями (Plut. Lys. 30, 7; Athen. 555c; Pollux. III, 48; VIII, 40). О существовании наказаний для холостяков свидетельствует стоик Аристон Хиосский (первая половина III в. до н. э.) (Ariston ap. Stob. IV, 22, 16), чье сообщение почти дословно повторяет Плутарх (Lys. 30, 7). Плутарх ничего не говорит о денежном штрафе, но приводит примеры, дающие представление о степени нетерпимости общества к такого рода отступлениям от общепринятой нормы. Даже высокие чины не защищали холостяков от презрения, специально культивируемого властями. Так, прославленному полководцу Деркилиду приходилось терпеть неуважительное отношение, в том числе от молодежи (Plut. Lys. 15, 2). Весь комплекс мер, применяемых к холостякам, Плутарх, как это было принято в древности, приписывает полубогородному Ликургу: «...их [холостяков] не пускали на гимнапедии, зимою по приказу властей они должны были нагими обойти вокруг площади, распевая песню, сочиненную им в укор... и, наконец, они были лишены тех почестей и уважения, какие молодежь оказывала старшим» (перевод С. П. Маркиша) (Plut. Lys. 15, 1–3). Дополняет этот список унижений перипатетик Клеарх из Сол, утверждающий, что даже женщины могли оскорблять холостяков: «В Лакедемоне на некоем празднестве женщины гоняют холостяков вокруг жертвенника и бьют бичами» (перевод Н. Т. Голинкевича) (Clearn. Sol. ap. Athen. XIII, 555c, 555d). Достоверность этой истории весьма сомнительна, но общая тенденция передана верно.

Шутовская песнь в исполнении холостяка усугубляла наказание. Здесь визуальный ряд дополняется вербальным, усиливая степень издевательства с помощью насмешки и пародии. Пародия проявлялась не только в униженной обнаженности как варианте униформы отторжения, но и в издевательских куплетах, пародирующих праздничное пение на гимнапедиях, из которых холостяки, кстати, были исключены. В этом театрализованном представлении нагота выполняла функцию исключения из рядов достойных граждан. Позорная нагота холостяков, по словам Э. Дэвида, выступала как контр-

идеальная нагота, практикуемая на государственных празднествах и агонах [6, p. 149].

Кроме холостяков, обязательному наказанию в Спарте подлежала еще одна категория граждан. Это «дрожащие», или «убоявшиеся», – те, кто проявил трусость в бою. Признанные трусами, скорее всего, приговаривались судом к атимии, т. е. к полному или частичному поражению в правах. Также они испытывали сильнейшее моральное давление со стороны спартанского общества, что, видимо, воспринималось ими тяжелее официальных потерь и лишений.

Основной источник по предназначенным для «дрожащих» наказаниям, к которому мы обращаемся, – это «Лакедемонская полития» Ксенофонта. В этом трактате приведен целый список наказаний (как судебных, так и внесудебных), налагаемых на «дрожащих». Нас интересуют в основном наказания зрелищного характера. Перечислим те из них, которые проходили в общественных местах и уже в силу этого были наиболее оскорбительными и болезненными.

«Убоявшихся» лишали статуса полноправных граждан. В тех случаях, когда за ними было сохранено право участвовать в общественных мероприятиях, преследовалась единственная цель – продемонстрировать всем, особенно молодежи, незавидную участь труса. Так, за «убоявшимися» оставляли право на участие в таких государственных празднествах, как гимнапедии⁶, где в течение нескольких дней хоры старцев состязались с хорами мальчиков и мужей. Но участие «дрожащего» в гимнапедиях было формой не поощрения, а наказания. По словам Ксенофонта, «во время праздничных хоров его [труса] загоняли на самые позорные места» (перевод наш. – Л. П.) (Lac. pol. 9, 5). Видимо, руководитель хора ставил «дрожащего» на определенное место, соответствующее его пониженному социальному статусу. Поскольку хоры на гимнапедиях формировались по возрастному принципу, то, скорее всего, «дрожащий» находился рядом с самой младшей группой участников. Благодаря такому месту в хоре для всех становилось очевидным позорное положение труса. Возможно, полный запрет на участие в праздничных церемониях был бы для него более легким наказанием, чем публичная демонстрация униженного положения. Допуск к участию в праздничных хорах – любопытное свидетельство того, что система исключения из общественной жизни для «убоявшегося» не была полной, он не был радикаль-

⁵К сожалению, у нас нет полной уверенности в подлинности данных, приводимых поздними писателями. Нельзя исключать того, что эти сведения могут являться плодом философских спекуляций.

⁶Гимнапедии имели для спартанцев огромное значение (Paus. III, 11, 9). Плутарх цитирует несколько стихов из хорошего репертуара, предназначенного для этого праздника (Lys. 21). Судя по содержанию стихов, в них прокламировалась идеальная модель поведения для трех основных возрастных групп в Спарте. По словам М. Флауэра, «гимнапедии играли главную роль в построении спартиатской идентичности» [7, с. 76].

ным изгоем, хотя двусмысленность ситуации была для него невыносимой [8, р. 27].

В строго структурированном по возрастным группам спартанском обществе жестко соблюдалась субординация – безусловное подчинение младших старшим. Но это правило не соблюдалось в отношении «убоявшегося». Он лишался уважения своих сограждан, причем даже тех, кто был младше его. Так, по словам Ксенофонта, «и на улицах ему следует уступать дорогу и вставать со своих мест даже перед младшими» (перевод наш. – Л. П.) (Лас. пол. 9, 5). В Спарте такие перевернутые отношения, конечно, были редкостью, ибо спартанское общество характеризовалось преувеличенным уважением и почтением к старшему возрасту [9], о чем свидетельствует вся древняя традиция (Her. II, 80; Xen. Memorab. III, 5, 15; Лас. пол. 10, 2; Plut. Apophth. Лас. 69, 60 = Mor. 235f; Cic. De senect. 6). Но в отношении трусов и холостяков законы старшинства нарушались. При отсутствии в Спарте полноценной частной жизни и невозможности удалиться от общества подобные публичные унижения со стороны молодежи должны были восприниматься очень болезненно.

Трус, вероятно, подвергался не только словесным оскорблениям, но и физическому насилию. Во всяком случае так можно понять слова Ксенофонта о положении труса: «...ему не следует прогуливаться с безмятежным видом или подражать людям безупречным, иначе его могут побить лучшие граждане» (перевод наш. – Л. П.) (Лас. пол. 9, 5). Применение физических наказаний в Спарте, видимо, было в порядке вещей, но только в отношении младших возрастных групп (Xen. Лас. пол. 2, 2; 2, 9; 6, 2; Plut. Лус. 17, 3; 18, 1). Невозможно было себе представить, чтобы младшие избивали тех, кто был старше их по возрасту, а значит, и выше по статусу. Зрелище осмеяния⁷ и избиения «убоявшегося» лучше всяких слов показывало спартамцам, что им грозит за проявленную в бою трусость. Более убедительного урока трудно было придумать.

Ксенофонт в своем перечне наказаний для трусов не касается одной важной темы – их внешнего вида. Восполняет эту лакуну Плутарх. Он добавляет

деталь, усиливающую зрительный образ «убоявшегося». По словам Плутарха, трусы «обязаны ходить жалкими, неопрятными, в старом, потертом плаще с разноцветными заплатами и брить только полбороды» (перевод К. П. Лампсакова) (Ages. 30, 3). Для спартанца было крайне оскорбительно показываться в таком шутовском наряде. Своим внешним видом он, вероятно, должен был напоминать всем илота (для сравнения: Muron. ap. Athen. XIV, 657d).

Известно, что одежда является одним из наиболее важных каналов невербального общения. Используемая в качестве наказания, она обладает способностью передавать нужную властям информацию. В Спарте, где внешний вид гражданина был исключительно скромным и неярким, любые визуальные отклонения от нормы особенно бросались в глаза⁸. Как заметил Е. Дэвид, «случай с “дрожащими” является отличным примером связи между одеждой, внешним видом и поведенческими ролями в спартанском обществе» (перевод К. П. Лампсакова) [11, р. 10].

Крайне оскорбительное требование брить только полбороды имело символическое значение⁹ и повышало степень унижения и оскорбления, которому подвергался трус.

Примеры реакции «убоявшихся» на травлю, которая ждала их дома, приводит Геродот. После Фермопильского сражения из 300 спартанских воинов в живых остались только Аристодем и Пантит. Первый, видимо, доведенный до отчаяния, добился права участвовать в Платейской битве (479 г. до н. э.), где сражался с таким отчаянным мужеством и безрассудством, что гибель его была predetermined (Her. VII, 232). О судьбе второго «убоявшегося», Пантита, сохранилась только краткая реплика Геродота. На нем, в отличие от Аристодема, вообще не было вины: Пантит был послан царем Леонидом в Фессалию с каким-то поручением и потому не участвовал в сражении. Но это не спасло Пантита от травли. Кампания по осмеянию Пантита была настолько жестокой, что он не выдержал позора и повесился (Her. VII, 232). Пантит явно был доведен до самоубийства, не перенеся публичного бойкота и издевательств.

⁷Формой оскорбления были обидные прозвища, присоединяемые к имени «убоявшегося». Так, по словам Геродота, оставшегося в живых после Фермопильского сражения (480 г. до н. э.) Аристодема в Спарте называли «струсивший». Это было прозвище, данное ему, а вовсе не юридический термин [10, р. 15n. 80].

⁸Идеи социального равенства в Спарте воплощались и во внешнем виде спартиатов, что отражено в традиции (Thuc. I, 6, 4). В Спарте, по словам Аристотеля, «богатые носят одежду, которую может себе позволить даже любой из бедных» (перевод С. А. Жебелева) (Pol. II, 1294b, 27–29). Известно, что царь Агесилай, презентуя себя в качестве эталонного спартанца, в походе носил дешевый грубый плащ, желая по крайней мере внешне не выделяться среди своих солдат (Plut. Ages. 36, 9). Отсутствие внешних признаков у власти имущих – характерная черта общества, в котором граждане называли себя равными и где успешно и вовремя была осуществлена частичная аристократизация демоса. Отсутствие различий в одежде и прическе – один из элементов маскировки социальных и экономических различий в статусе и богатстве [6, р. 140–143]. Простота одежды была невербальным визуальным эквивалентом лаконичного стиля словесного общения [11, р. 5].

⁹В Спарте существовал регламент на то, как должны были выглядеть прическа, борода или усы у различных категорий населения и даже у различных возрастных групп (Xen. Лас. пол. 11, 3; Plut. Лус. 16, 11; 22, 2) [12, р. 20–21]. Строгие визуальные требования к внешнему виду граждан, скорее всего, были введены в середине VI в. до н. э. в связи с усилением эфората. Во всяком случае именно эфоры при вступлении в должность призывали граждан брить усы и подчиняться законам (Plut. Cleom. 9, 2–3).

Повешение Пантита – единственный известный нам случай подобного самоубийства в Спарте. В классической древности этот метод не считался почетным. Э. Дэвид высказывает предположение

о том, что «в случае с Пантитом сообщение о способе смерти могло быть интегральной частью кампании по осмеянию (продолжавшейся даже после смерти)» (перевод наш. – Л. П.) [13, р. 33].

Заключение

Социальная дисциплина в Спарте была основана на эксплуатации двух чувств – страха преступить установленные нормы поведения и стыда в случае их нарушения. Недаром Симонид назвал Спарту «укрошающей смертных» (перевод К. П. Лампсакова) (Plut. Ages. 1, 3), а Геродот вложил в уста экс-царя Демарата слова, обращенные к Ксерксу: «...у них [спартанцев] владыка – это закон, которого они страшатся гораздо больше, чем твой народ тебя» (перевод Г. А. Стратановского) (VII, 104). Действительно, в Спарте существовал неписанный закон, диктующий правила поведения, которых должен был придерживаться любой спартиат. В противном случае его ждало наказание. Спартанцы фактически были вынуждены постоянно преодолевать себя: подавлять свой страх, проявлять сдержанность, укрощать свои сексуальные побуждения, не избегать гибели в бою, контролировать свою нужду в пище, сне и т. д. [14, р. 248].

Подобные требования к сдерживанию любых человеческих слабостей привели к тому, что телесные страсти были сакрализованы в Спарте. Это нашло выражение в появлении абстрактных культов, каких не было у прочих греков. Плутарх сообщает следующее: «...у лакедемонян есть храмы, посвященные не только Страху, но и Смерти, и Смеху, и иным сходного рода душевным состояниям. Страх они чтут... в уверенности, что страх – это главная сила, которой держится государство» (перевод С. П. Маркиша) (Cleom. 9, 1). Обожеествлялись также стыд (стыдливость) (Xen. Symp. 8, 35–36; Paus. III, 20, 10–11), сон (Paus. III, 18, 1), смерть (Plut. Cleom. 9, 1; Paus. III, 18, 1), любовь (Socicrat. ap. Athen. 561e, 561f), голод (Callisthen. ap. Athen. 452b; Polyaeen. II, 15). Н. Рише особо отмечал эту особенность спартанской государственной религии: «...спартанская сакрализация телесных страстей, как кажется, образовывала очень эффективный механизм этического контроля» (перевод наш. – Л. П.) [14, р. 248].

Платон, видимо, вдохновлялся спартанской моделью, когда формулировал мысль о важности сакрализации отдельных телесных страстей и эффективности пропаганды их преодоления: «...законодателю легко распознать тот способ, с помощью которого можно подавить какую-то страсть из числа тех, что особенно поработают людей, надо только сделать всеобщую молву священной для всех – для рабов, для свободных, для женщин, детей и вообще для всего государства; так законодатель сделает свой закон неколебимым» (перевод А. Н. Егунова) (Leg. VIII, 838d, 838e). Ксенофонт, считающий весь

образ жизни спартанцев превосходным и отвечающим поставленным государственным задачам, особенно восхваляет спартанскую воспитательную систему. Она, по его словам, «создает мужей и более послушных, и более скромных, и лучше всего владеющих собой» (перевод наш. – Л. П.) (Lac. pol. 2, 15).

Действительно, спартанское воспитание, одинаковое для всех граждан, способствовало созданию поведенческих стереотипов. Любое отклонение от нормы не оставалось незамеченным в спартанском обществе. Те, кто нарушал общепринятые правила, наказывались не только государством, но и обществом. При небольшой численности граждан и полном отсутствии анонимности нарушитель никуда не мог спрятаться от общества, в результате весь социум принимал участие в его травле.

Огромную роль в формировании негативного отношения к гражданам, нарушающим поведенческие нормы, играла визуальная пропаганда. В Спарте она явно превалировала над всеми остальными видами пропаганды. Визуальный ряд для спартанцев имел более важное значение, чем вербальный. Особая роль в преследовании холостяков и «дрожащих» как двух основных категорий, подлежащих наказанию, предназначалась молодежи. Для юных граждан это было своеобразным продолжением учебного процесса, полевой практикой. Им разрешали издеваться над нарушителями, которые были намного старше их. Тем самым молодым людям ясно давали понять и прочувствовать, что их ожидает в случае нарушения общепринятых норм.

Немногочисленные источники не дают возможности определить, насколько часто эти наказания применялись в Спарте и как они оформлялись. Древние авторы, в частности Ксенофонт и Плутарх, дают перечень наказаний как за трусость, так и за отказ от женитьбы. Этот перечень включает и формальные, и неформальные наказания. Но почти полное отсутствие в традиции конкретных примеров применения подобных наказаний приводит к выводу о том, что картина, нарисованная древними авторами, не полностью соответствует действительности. Это, возможно, то, что хотела продемонстрировать внешнему миру спартанская пропаганда. В реальной жизни к трусам и холостякам, конечно, применялись те или иные наказания, но очень осторожно и выборочно, в соответствии с обстоятельствами, прежде всего количеством обвиняемых.

На наш взгляд, первоначально авторами так называемого спартанского миража были сами спар-

танцы. В общине, закрытой для внешнего мира, искусно создавался отретушированный образ Спарты, где наилучшим образом умели воспитывать достойных граждан. Вся система наказаний, как судебных, так и внесудебных, вполне вписывается в эту идеальную картину. Писатели-лаконофилы, такие как Ксенофонт и Критий, также внесли вклад в создание идеального образа Спарты. Ксенофонт в полуптопическом сочинении «Лакедемонская полития» способствовал распространению искаженного образа Спарты. Он был первым, кто представил перечень наказаний за отказ от женитьбы и трусость как хорошо

отработанную систему, якобы давно функционирующую в Спарте. Эти наказания Ксенофонт изобразил как средства для создания нетерпимого отношения в обществе к любым проявлениям девиантного поведения. Но картина, нарисованная Ксенофонтом, вероятно, была далека от спартанских реалий. Вряд ли случайным является то, что писатель не привел ни одного случая с применением перечисленных им наказаний. Этого не делают и более поздние авторы. Видимо, здесь мы имеем дело с деталями спартанского миража, который начал формироваться благодаря усилиям в том числе Ксенофонта.

Библиографические ссылки

1. Андреев ЮВ. Греческий полис без бюрократии и литературы (письменность в жизни спартанского общества). *Hyperboreus. Studia Classica*. 1994;1(часть 1):10–18.
2. Powell A. *Athens and Sparta. Constructing Greek political and social history from 478 BC*. 2nd edition. London: Routledge; 2001. 423 p.
3. Зайков АВ. Спартанская община одинаковых в аспекте сословной семантики. В: Редин ДА, редактор. *Историческая наука на рубеже веков. Статьи и материалы научной конференции, посвященной 60-летию исторического факультета УрГУ; 5–7 мая 1999 г.; Екатеринбург, Россия*. Екатеринбург: Волот; 2000. с. 315–321.
4. Печатнова ЛГ. *История Спарты. Период архаики и классики*. 2-е издание. Санкт-Петербург: Гуманитарная академия; 2020. 638 с.
5. Doran T. Spartan oliganthropia. *Brill research perspectives in Ancient history*. 2018;1(2):1–106. DOI: 10.1163/25425374-12340002.
6. David E. Sparta and the politics of nudity. In: Powell A, Hodkinson S, editors. *Sparta: the body politic*. Swansea: The Classical Press of Wales; 2008. p. 137–163.
7. Флауэр М. Спартанская «религия» и «греческая религия». В: Габелко ОЛ, Махлаюк АВ, Синицын АА, редакторы. ПЕНТНКОТАЕТИА. *Исследования по античной истории и культуре. Сборник, посвященный юбилею И. Е. Сурикова*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; 2018. с. 60–82.
8. Ducat J. The Spartan «tremblers». In: Powell A, Hodkinson S, editors. *Sparta and war*. Swansea: The Classical Press of Wales; 2006. p. 1–57.
9. Печатнова ЛГ. Герусия и феномен спартанской геронтокрации. *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира*. 2019;19-1:41–62.
10. David E. Laughter in Spartan society. In: Powell A, Cartledge P, editors. *Classical Sparta: techniques behind her success*. London: Routledge; 1989. p. 1–26.
11. David E. Dress in Spartan Society. *Ancient World*. 1989;19:3–13.
12. David E. Spartan' social hair. *Eranos*. 1992;90:1–21.
13. David E. Suicide in Spartan society. In: Figueira T, Brulé P, editors. *Spartan society*. Swansea: The Classical Press of Wales; 2004. p. 25–47.
14. Richer N. The religious system at Sparta. In: Ogden D, editor. *A companion to Greek religion*. Oxford: Blackwell; 2007. p. 236–253.

References

1. Andreev YuV. [A Greek polis without bureaucracy and literature (a role of literacy within Spartan society)]. *Hyperboreus. Studia Classica*. 1994;1(part 1):10–18. Russian.
2. Powell A. *Athens and Sparta. Constructing Greek political and social history from 478 BC*. 2nd edition. London: Routledge; 2001. 423 p.
3. Zaikov AV. [Spartan community of the equals in the aspects of the class semantics]. In: Redin DA, editor. *Istoricheskaya nauka na rubezhe vekov. Stat'i i materialy nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 60-letiyu istoricheskogo fakul'teta UrGU; 5–7 maya 1999 g.; Ekaterinburg, Rossiya* [Historical science at the turn of the century. Articles and materials of the scientific conference dedicated to the 60th anniversary of the faculty of history; 1999 May 5–7; Yekaterinburg, Russia]. Ekaterinburg: Volot; 2000. p. 315–321. Russian.
4. Pechatnova LG. *Istoriya Sparty. Period arkhaiki i klassiki* [History of Sparta. Archaic and classical periods]. 2nd edition. Saint Petersburg: Gumanitarnaya akademiya; 2020. 638 p. Russian.
5. Doran T. Spartan oliganthropia. *Brill research perspectives in Ancient history*. 2018;1(2):1–106. DOI: 10.1163/25425374-12340002.
6. David E. Sparta and the politics of nudity. In: Powell A, Hodkinson S, editors. *Sparta: the body politic*. Swansea: The Classical Press of Wales; 2008. p. 137–163.
7. Flaue M. [Spartan «religion» and «Greek religion»]. In: Gabelko OL, Makhlayuk AV, Sinitsyn AA, editors. ПЕНТНКОТАЕТИА. *Issledovaniya po antichnoi istorii i kul'ture. Sbornik, posvyashchennyi yubileyu I. E. Surikova* [ПЕНТНКОТАЕТИА. Studies in ancient history and culture. Collection dedicated to the anniversary of I. E. Surikov]. Saint Petersburg: St. Petersburg University; 2018. p. 60–82. Russian.

8. Ducat J. The Spartan «tremblers». In: Powell A, Hodkinson S, editors. *Sparta and war*. Swansea: The Classical Press of Wales; 2006. p. 1–57.
9. Pechatnova LG. [Gerousia and the phenomenon of Spartan gerontocracy]. *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira*. 2019;19-1:41–62. Russian.
10. David E. Laughter in Spartan society. In: Powell A, Cartledge P, editors. *Classical Sparta: techniques behind her success*. London: Routledge; 1989. p. 1–26.
11. David E. Dress in Spartan Society. *Ancient World*. 1989;19:3–13.
12. David E. Spartan' social hair. *Eranos*. 1992;90:1–21.
13. David E. Suicide in Spartan society. In: Figueira T, Brulé P, editors. *Spartan society*. Swansea: The Classical Press of Wales; 2004. p. 25–47.
14. Richer N. The religious system at Sparta. In: Ogden D, editor. *A companion to Greek religion*. Oxford: Blackwell; 2007. p. 236–253.

Статья поступила в редколлегию 26.04.2022.
Received by editorial board 26.04.2022.